

Крылов Вячеслав Николаевич

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ КРИТИКИ

Статья поднимает вопрос о методологических основах историко-функционального изучения произведений критической классики. Основное внимание в работе автор акцентирует на источниках подобного рода исследований. Предложена типология источников, позволяющая выявить жизнь критики в меняющихся контекстах восприятия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/2/26.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (13). С. 81-84. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. **Болдырев Н. Н.** Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2002. 124 с.
2. **Болдырев Н. Н.** Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. С. 25-36.
3. **Венедиктова Л. Н.** К вопросу о содержании понятия «концепт» // Мир человека и мир языка: коллективная монография. Кемерово: ИПК «Графика», 2003. С. 24-32.
4. **Воркачев С. Г.** Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-73.
5. **Воркачев С. Г., Воркачева Е. А.** Концепт счастья в английском языке: значимостная составляющая // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: человек и его дискурс. М., 2003. С. 263-275.
6. **Гольдберг В. Б.** Лексика современного английского языка в свете лингвистических парадигм: методы исследования. Тамбов, 2003. 90 с.
7. **Евтушок Ю. Г.** Языковая репрезентация концепта CRIME: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 15 с.
8. **Иванова С. В.** Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: дисс. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2003. 364 с.
9. **Лихачев Д. С.** Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. М.: Academia, 1997. С. 280-287.
10. **Мухутдинова Ф. Б.** Методы проведения концептуального анализа в отечественной лингвистике // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Магнитогорск: МаГУ, 2004. Вып. 2. С. 23-30.
11. **Попова З. Д., Стернин И. А.** Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: ВГУ, 1999. 30 с.
12. **Попова З. Д., Стернин И. А.** Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях // Мир человека и мир языка: коллективная монография. Кемерово: ИПК «Графика», 2003. С. 6-16.
13. **Степанов Ю. С.** Константы: словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
14. **Юлтимирова С. А.** Различные подходы к трактовке термина «концепт» [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/NPM_2006/Philologia/3_jultimirova.doc.htm

TO THE QUESTION ABOUT CONCEPT LANGUAGE REPRESENTATION MEANS

Natal'ya Aleksandrovna Koz'ko, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Department of English Philology and Translation
Magnitogorsk State University
kozko_natalia@mail.ru

The author considers the basic approaches to "concept" term definition and different points of view on a concept structure, singles out different components in a concept structure, pays special attention to concept language representation means by the example of the concept "alcoholic drinks" and analyzes the reasons of a concept language representation means change.

Key words and phrases: concept; approaches to "concept" term definition; concept structure; components in concept structure; linguo-cultural community; language personality; concept language representation means; concept changeability.

УДК 82/821.0

Статья поднимает вопрос о методологических основах историко-функционального изучения произведений критической классики. Основное внимание в работе автор акцентирует на источниках подобного рода исследований. Предложена типология источников, позволяющая выявить жизнь критики в меняющихся контекстах восприятия.

Ключевые слова и фразы: литературная критика; рецепция; историко-функциональное изучение; образ критика; пародия.

Вячеслав Николаевич Крылов, д. филол. н., профессор
Кафедра истории русской литературы
Казанский (Приволжский) федеральный университет
krylov77@list.ru

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ КРИТИКИ[©]

Жизнь критики вне контекста времени деятельности ее представителей (формы ее воздействия на публику, на эстетическое сознание других эпох) - тема малоисследованная. Здесь приоритет принадлежит художественной литературе как таковой, изучению судеб произведения литературы после того, как оно вошло в жизнь общества. С критикой дело обстоит иначе. А. В. Дружинин, возможно, первым в русской критике поднял вопрос о восприятии критики в культурном сознании новых поколений (во вступительной части

статьи «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения»), отметив невозможность для критика «соревноваться» с писателем в воздействии на последующие поколения: «Истинный критик... есть деятель своего поколения, источник нескольких благотворных преданий для потомства. Ему дано великое могущество, но срок этого могущества не долго. <...> Его поле действия - умы современников, его оружие - идеи и стремления современного ему общества» [2, с. 462].

Однако не во всем можно согласиться с Дружининым. В истории русской литературы есть и другой взгляд на значение литературной критики в обществе. Н. В. Гоголь писал, что «...критика, основанная на глубоком вкусе и уме, критика высокого таланта имеет *равное* достоинство со всяким оригинальным творением: в ней виден разбираемый писатель. В ней виден еще более сам разбирающий. Критика, начертанная талантом, переживает эфемерность журнального существования. Для истории литературы она неоценима» [1, с. 451] (*курсив наш - К. В.*). Эта глубокая мысль писателя нуждается в разработке. Ведь Гоголь ставит вопросы об условиях возможной жизни критики в последующие эпохи (вкус, ум, талант), о роли критики для истории литературы, мало теоретические осмысленные в науке.

Поэтому совершенно правомерно поставить вопрос и о *функциональном* изучении произведений критической классики, о методологических основах такого подхода. Функционирование литературной критики прошлого имеет свои закономерности, обусловленные ее предметом, спецификой и задачами.

Риторическое воздействие статей даже выдающихся критиков несравнимо с тем, как могут воздействовать на человека тексты художественной литературы. Различие в воздействии произведения и критической статьи А. М. Штейнгольд определяет следующим образом: «Сущность воздействия самого художественного произведения и его критического «пересоздания» заметно расходятся. Общение читателя с произведением искусства - процесс сугубо индивидуальный, эмоциональный фактор в нем не менее значим, чем рациональный. Критическая статья, не обладая многомерностью воздействий произведения искусства, сосредоточивает внимание читателя на определенном взгляде на художественный феномен, сужая и вместе с тем заостряя, так сказать, сферу влияния осмысляемого творения. Воспринимая художественный текст, читатель волен соотносить его с теми сторонами жизни, которые важны для него именно сейчас. Критическая статья направляет мысль читающего на те явления жизни, которые важны с точки зрения критика» [7, с. 6-7].

При этом возникает целый ряд взаимосвязанных вопросов: какие свойства критических текстов, результаты деятельности критиков определяют их жизнь за пределами своего времени, делают критику действительно живым наследием, как проявляется механизм переоценки критиков прошлого, как взаимодействуют традиция и новаторство, какие слои публики принимают участие в этом процессе? На какие источники необходимо опираться в изучении этих явлений?

То, что периодически происходит пересмотр прежних критических теорий и оценок, очевидно. Критик и историк литературы Р. В. Иванов-Разумник полагал, что «судьей» будущего над самой критикой может выступать *история литературы*: имя подлинного литературного критика своего времени сохранит в этой истории тот, чьи оценки не будут переоцениваться, «если критик восторгается посредственностью, он губит только сам себя» [4, с. 102]. А В. В. Розанов считал, что критики, когда они несправедливы или когда они вообще почему-либо не стоят на уровне с критикуемым автором или книгой, бесспорно, умственно деморализуют общество [5, с. 22].

Важнейшим условием востребованности критики в другую эпоху выступает талант критика (вспомним Гоголя), встречающийся реже, чем талант художника. Поэтому характер восприятия широкой публикой зависит, в первую очередь, от личностного потенциала статьи. Значительные тексты критической классики, по-видимому, имели и имеют до сих пор смысл вовсе не только как комментарий к разбираемому произведению, но и ценность саму по себе. Сохраняют свое значение те критические статьи, которые несут свой взгляд на мир, свою концепцию не только искусства, но и стоящей за литературой жизни.

Жизнь критики во времени нередко связана с переоценкой сложившихся представлений, с раскрытием потенциала эстетических идей и критических суждений прошлого. Так, с конца 1980-х - начала 1990-х гг. начался процесс отказа от революционно-демократической части наследия русской критики, в наиболее радикальном виде выразившийся в идее о «контркультурном характере русской литературной критики» и ее «покушении на литературу» [3].

Одновременно возник интерес к фигурам, которые долго замалчивались по разным причинам: модернистам серебряного века, славянофилам, религиозным философам (здесь даже проявилась тенденция смены «маятника»), к линии консервативной мысли. Институт научной информации по общественным наукам РАН выпускает Собрание сочинений М. Н. Каткова в 6 томах, издается публицистика и критика М. О. Меншикова, пропагандируется наследие одного из идеологов черносотенного движения К. Ф. Головина (Орловского) и его вышедшая 3-мя изданиями в конце XIX - начале XX в. книга «Русский роман и русское общество». Но, с другой стороны, в серьезных научных исследованиях и отринутый Белинский прочитывается по-новому (монография Г. Ю. Карпенко «Возвращение Белинского: литературно-художественное сознание русской критики в контексте историософских представлений» (Самара, 2001)).

Историко-функциональное исследование критики должно базироваться на комплексе источников:

1. Это, условно говоря, то, что писали критики о своих предшественниках в статьях, письмах, дневниках, воспоминаниях (критики о критиках).

2. Опыты истории критики, исследования о критике и отдельных критиках.

3. Высказывания писателей, в свою очередь, включающие: а) писательские статьи; б) высказывания в эго-документах.

4. Образ критика, созданный в рамках: а) художественных и художественно-документальных прозаических жанров (биографии) (например, повесть Некрасова «Каменное сердце», найденная Чуковским; изображение истории критики Белинским первого сборника стихотворений Некрасова в «Жизни и похождениях Тихона Тростникова»); б) стихотворные образы кумиров русской критики (вспомним стихи Некрасова «Памяти Белинского» и «Памяти Добролюбова»). Все многочисленные образцы юбилейной стихотворной беллетристики на рубеже XIX-XX вв. о Белинском, эпигонски повторяя Некрасова, варьируют мотивы неонароднического дискурса; в) интертекстуальные «следы» в художественных текстах (прозе, лирике, драмах). Современный исследователь Д. И. Писарева отмечает: «В тяжелые восьмидесятые годы о Писареве начали забывать. В «серебряный век» наступило то, что потом Г. П. Федотов ретроспективно назвал «воскрешением Писарева». Среди авторов, которых в молодости читали русские революционеры и философы, ученые, писатели и публицисты, мы снова находим имя Писарева на первом или одном из первых мест. Характерно, что сологубовский Передонов держит у себя сочинения Писарева, впадая иногда в панику из-за опасности этого, но все же следуя моде на Писарева, которая возродилась в первые годы XX в. на фоне попыток осознать историческое значение интеллигенции» [6, с. 5].

5. Особой формой интерпретации критики можно считать пародию. В очерке И. А. Гончарова «Литературный вечер» в образе Крякова используются тезисы радикальной критики в оценке великосветского романа. Пародия может быть направлена не только на конкретную личность, но и на стиль (пародийное изображение определенного стиля критики, как у Добролюбова в начале статьи «Когда же придет настоящий день?») создана обобщенная пародия на эстетическую критику).

Заслуживает внимания и такая редкая форма как автопортрет критика, например, представленная у чрезвычайно плодовитого и знаменитого в свое время В. Буренина (драматическая картина «Раскаяние Буренина Грозного» и др.).

В конце XIX - начале XX в. появляются пародии В. Буренина на «Историю новейшей русской литературы» Скабичевского, А. Измайлова на «Историю русской литературы XIX века» Н. Энгельгардта (на интервью у г. Собакевича). В сборнике пародий и шаржей «Кривое зеркало» А. Измайлов поместил «Историю русской критики», где он пытался отразить эволюцию новой критики через пародийное изображение специфического стиля того или иного критика (Скабичевский, Вольнский, Буренин, Введенский, Мережковский, А. Белый, Г. Чулков, Россковский). Так, в шаржированной форме отражены черты антисемитского и провокативного дискурса Буренина. Интересно, что «глава» «Андрей Белый» представляет усеченную цитату из критической статьи объекта пародии «Штемпелеванная калоша» (Весы. 1908. № 5). Не принимая модернистскую литературу и критику, Буренин называл ее «кумовской». Злой портрет такой критики создан в басне «Г. Леонид Андреев и гусь». В Брюсов использовал форму пародии на литературные заметки З. Гиппиус в «Новом пути» как средство оценки слабой беллетристики в журнале.

6. Разнообразные читательские высказывания о критиках (анкеты, сочинения, выступления).

Конец XIX - начало XX века - время закрепления классического пантеона, попытки понять специфику русской критики на европейском фоне как нечто целое, смысл ее устремлений, ее глубинные связи с русской литературой, пути ее дальнейшего развития. Освоение критики XIX века происходит в условиях самоопределения «нового искусства», острых споров по поводу задач искусства, дискуссий о кризисе критики. Русская критика этого периода стремится подвести итоги развития критики XIX века. В это время по-новому были прочитаны не только писатели, но и критики, было восстановлено значение таких фигур русской критики как А. Дружинин, А. Григорьев, В. Майков, Н. Страхов.

В целом изучение рецепции критики и критиков в любую эпоху способно обогатить наше представление об интеллектуальной жизни, оно позволяет проблематизировать изучение традиционной истории. И это очень поучительно. Введение одних имен не должно происходить за счет других (как это происходит порой и сегодня). Необходим целостный конкретно-исторический подход к результатам их деятельности.

Список литературы

1. **Гоголь Н. В.** Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Русская книга, 1994. Т. 7. 624 с.
2. **Дружинин А. В.** Прекрасное и вечное. М.: Современник, 1988. 543 с.
3. **Кондаков И. В.** Введение в историю русской культуры. М.: Аспект Пресс, 1997. 687 с.
4. **Литературно-критические выступления Р. В. Иванова-Разумника в журнале «Заветы»** / сост. Н. В. Новикова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. 268 с.
5. **Розанов В. В.** О писательстве и писателях. М., 1995. 734 с.
6. **Старостин В. А.** Д. И. Писарев и формирование идеологического сознания русской интеллигенции // Мир Д. И. Писарева. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Вып. 3. С. 4-72.
7. **Штейнгольд А. М.** Анатомия литературной критики: природа, структура, поэтика. СПб.: Дм. Буланин, 2003. 206 с.

CRITICISM HISTORICAL-FUNCTIONAL STUDY PROBLEMS

Vyacheslav Nikolaevich Krylov, Doctor in Philology, Professor
Department of Russian Literature History
Kazan' (Volga Region) Federal University
krylov77@list.ru

The author tackles the question concerning the methodological bases of the historical-functional study of critical classical literature works, pays special attention to the sources of such researches and suggests the typology of the sources allowing to reveal criticism life in changing perception contexts.

Key words and phrases: literary criticism; reception; historical-functional study; critic's image; parody.

УДК 372.881.1

В статье рассматривается учебная модель формирования способности к порождению иноязычных эмотивных высказываний, состоящая из трех взаимодействующих уровней: уровень присвоения, рекомбинационный и генеративный. Подчеркивается, что единицы организации обучения эмотивному высказыванию составляют в своей совокупности общую основу обеспечения эмотивного высказывания, которая определяется как эмотивное речевое поле. Этапы работы по созданию самобытных профессионально-значимых эмотивных высказываний реализуются посредством выполнения эмотивных упражнений.

Ключевые слова и фразы: эмотивное высказывание; иностранный язык; неязыковой вуз; учебная модель; эмотивное упражнение.

Рустем Альбертович Латыпов, к.п.н., доцент
Кафедра иностранных языков естественно-научных специальностей
Сыктывкарский государственный университет
latrus@mail.ru

**УЧЕБНАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ СПОСОБНОСТИ К ПОРОЖДЕНИЮ
ИНОЯЗЫЧНЫХ ЭМОТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ У СТУДЕНТОВ
НЕЯЗЫКОВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ[©]**

Чтобы получить статус методической категории, эмотивное высказывание должно найти отражение на всех трех уровнях методической действительности (термин «методическая действительность» введен Б. П. Годуновым [2]), то есть: 1) быть реализованным на уровне целеполагания в виде перечня задач обучения; 2) войти в качестве относительно самостоятельного элемента в содержание обучения иностранному языку; 3) обрести необходимую определенность в формах и величинах, принятых в методике. Названные требования конкретизируются по этапам обучения. В нашем случае - применительно к студентам вузов, обучающимся по нелингвистическим специальностям и направлениям подготовки бакалавров.

В результате изучения новейших программных материалов можно утверждать, что в качестве цели обучения иностранному языку выступает развитие языковой личности обучающегося, его способности пользоваться иностранным языком для удовлетворения социальных и индивидуальных потребностей в познании и культурном развитии, в том числе при использовании иноязычных источников информации, а также в профессиональном общении с иностранцами. С учетом нашего предмета исследования это означает способность пользоваться иностранным языком для присвоения и воспроизведения в трансформированном виде профессионально-значимых эмотивных высказываний, а также способность выражения в развернутой форме собственного эмотивного отношения к определенным фактам и явлениям учебной и профессиональной действительности. Сфера действия способности присваивать и перерабатывать образцы разного рода в собственные эмотивные высказывания определяется задачами и содержанием обучения иностранному языку в неязыковом вузе, а также сформировавшейся иноязычной речевой компетенцией студентов. Содержание составляют программный языковой и речевой материал - лексический и грамматический, сюжетно-проблемный и ситуативно-тематический, а иноязычная речевая компетенция представляет собой запечатленные в памяти и речевленные иноязычными средствами понятия и представления и способы их реализации при осуществлении иноязычной познавательно-речевой деятельности и иноязычного общения. Принципиальное значение для методики имеют механизмы присвоения, перекомбинирования имеющихся и порождения новых эмотивных высказываний на иностранном языке.

Учебная модель выражения эмотивно-оценочного состояния/отношения средствами иностранного языка предполагает, как пишет Е. П. Белкина, последовательное развитие трех основных способностей: